

Анна Лужбина

Маленький человек

Рассказ

Тот день — как колода карт, в нем было много застывших картинок: желтые носы резиновых сапог, покрасневшие руки, пластмассовое кольцо на пальце. Длинные тонкие косички, с одной потеряна резинка, и коса расплетается.

Я поднимаю голову, и надо мной бесконечные шапки деревьев. Еще выше — тяжелое небо, словно проросшая на кронах темная плесень. Голова немного кружится, сырой грибной воздух проникает в нос и наполняет легкие, как вода.

Помню, как кричала кукушка.

Помню, как редко и колко падали дождевые капли.

Помню красную папину куртку, маячком мелькающую в соснах. Помню, казалось, что грибы должны сами выходить ко мне, словно цыплята. Шаг и шаг, шаг и шаг, желтые резиновые носы: чем меньше людей, тем больше грибов.

Помню, как обернулась, и рядом не было никого из взрослых. Только ветер гулял тот же. Я пыталась вспомнить, откуда двигалась, развернулась и пошла обратно. Ноги вынесли меня к болоту, и желтые носы сапог покрылись зелеными пятнами, словно их заколдовали, заставили идти не туда.

Я старалась быть уверенной. Вела себя так, будто рядом был невидимый друг, я делала вид, что все хорошо, что так задумано. Но с каждым шагом я будто бы становилась все меньше и меньше, и мой обман уменьшался вместе со мной. Я долго бежала в противоположную сторону от той, в которую следовало бы бежать. Мне казалось, что красная папина куртка появляется то здесь, то там, то сверху, то снизу, что я слышу шаги и свое имя.

Но никого не было.

Страх пришел не сразу. Вцепился в горло, а затем насекомым спустился вниз и уселся на сердце, сделал его тяжелым. Наполнил тело, поднялся в голову. Потекли слезы, но они быстро закончились и были пустыми, пресными: некому было меня жалеть, и слезы потеряли соль.

Меня обступали ровные ряды сосен, выстроившиеся, будто могучая армия. А потом я услышала хруст ветки и замерла...

— *Это первый раз, когда вы его увидели?*

— *Да.*

Лужбина Анна Андреевна родилась в Москве в 1991 году. Окончила философский факультет РГУ. Финалист международного литературного конкурса «Петроглиф».

В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Он появился из-за спины и пальцем постучал меня по плечу. Вы знаете, какой у него палец? Размером с мой кулак...

Что можно почувствовать, когда в пустом лесу вдруг кто-то касается вашего плеча? А мне тогда стало радостно, я даже не вздрогнула. Ко мне будто бы вышли папа и мама, а лес расступился, как в сказке, или прилетел вертолет МЧС. Всё, о чем я мечтала, будто произошло на самом деле.

— *Вы не могли бы описать его?*

— *Конечно.*

Он был втрое меня выше и шире, настоящий великан. В первый раз меня поразило, как знакомо он выглядел, и при этом все было немного не так. Он состоял из дорогих мне людей и предметов. У него были мамины глаза, папин нос, но большего размера.

Большие глаза, чтобы все видеть, большие уши, чтобы всех слышать. Так он говорил. Только сердце было у него безразмерным: не маленьким и не большим, просто таким, чтобы вместить все, что понадобится.

Бежевая меховая куртка цвета ковра в моей спальне. Нелепый огромный галстук с узором моего одеяла, с пыльной бахромой на кончике. Огромные сапожищи.

Вспоминаю сейчас, что один из его сапог посвистывал при ходьбе, и даже этот звук казался мне знакомым, как звук резиновой детской игрушки... Он говорил: «Правая нога вдыхает, левая выдыхает, так легче идти».

— *Он пришел, чтобы спасти вас? Или чтобы успокоить? Как вы сами считаете, чем вызвано его появление?*

— *Я думаю, что он наблюдал за мной сразу, а вышел, только когда я отчаялась.*

— *Но вы его не слышали, он незаметно наблюдал? Несмотря на то, что был таким крупным, еще и со свистящим сапогом?*

— *Он родился в лесу, прожил в нем всю жизнь. Ему не составляет труда оставаться беззвучным и невидимым. Медведь тоже может быть тихим. И лось. И великан.*

Он называл меня маленьким человеком: я так мало вешу от невесомых мыслей. Если подует ветер, то унесет меня в небо, как сосновую иголку. Рассказывал, что у него нет дома, так как любой дом ему тесен. И еще: чем человек больше, тем он мудрее.

Он сказал, что ночевать нужно будет в лесу, чтобы утром сесть на поезд, который идет в город. Что он поможет мне попасть к нужной станции. А еще — что маленький человек — это пропащий человек. Он теряется в момент рождения, как только кто-то впервые забирает его от матери. Поэтому самостоятельно маленькому человеку никогда не выйти, он всегда идет в другую сторону, так работает его неправильное мышление.

Он объяснял мне это, согнувшись пополам, оперев руки в колени, рассматривая мои веснушки так внимательно, словно пытался их сосчитать. Глаза у него были цвета мышиной шкурки, в тон дальнему лесу. Потом он сказал: «Пойдем». И остался стоять. Оказалось, это мне нужно идти вперед, туда, куда хочется, а он просто пойдет следом, и только так мы выйдем к нужному месту.

— *Так вы же, по его мнению, никогда не знаете, куда идти?*

— *Он сказал, что следит за мной, и страх пропал. Мне стало казаться, что я иду правильно просто оттого, что я куда-то иду.*

И он рассказывал истории о своей жизни. И я забыла о себе и обо всем, что меня волновало. Мне даже совсем не хотелось есть — только идти и слушать, ловить каждое слово и медленно пережевывать, как хлебный мякиш.

— *Вы можете привести пример, о чем вы разговаривали?*

— *Конечно.*

Он рассказывал, что иногда по лесу ходят и те люди, которые не просят, чтобы их спасали. Тогда он залезает на ветку дерева и отдыхает так какое-то время. Люди, которые знают, куда идти, не смотрят вверх, и никто его не замечает.

Что тот поезд, к которому мы идем, иногда нужен и ему самому. Но у великана никогда нет денег, и он не маленький человек, не вызывает жалости. Что для того, чтобы никто из пассажиров или контролеров его не увидел, ему приходится ездить на крыше, лежа на животе. Он ложится над кабиной машиниста, лицом к голове поезда. И смотрит с поездом одними глазами на шпалы, помойки, заброшенные деревни. Часто поезд едет пустым — только машинист внутри и безбилетный великан на крыше.

Еще он чувствует ритм колес как удары железного сердца, ведь для него поезд — живое существо. Когда великан засыпает, колеса стучат тише, чтобы не разбудить. Он рассуждал, что мечтает полетать так и на крыше самолета. И у теплохода — под брюхом, так как сверху там не крыша, а палуба, места для маленьких людей.

— *А как получилось, что добираться вам так долго? Что пришлось бы идти, а потом еще ехать на поезде?*

— *Мне иногда кажется, что мы ходили кругами, наверное, тогда это казалось правильным. То есть, грубо говоря, до поезда идти пять часов, три из которых вы идете не в ту сторону. Такой маршрут. Тем более что мой поезд был только утром, куда торопиться?*

Для ночлега мы выбрали небольшую поляну. Здесь великан достал зеркальце и смотрел в него так, как моряк смотрит в компас. Потом сказал, что ему спать не нужно — он сильный и никогда не устает, да и шли мы медленно. Он успел подремать в дороге, пока рассказывал свои истории.

Великан постелил на траву свою куртку, и я завернулась в нее, сложив рукава на животе, глядя в небо. Вся поляна была залита светом: звезд было так много, что они теснили друг друга, скатывались вниз и выстраивались в длинные, мягкие лесенки. Великан ходил по поляне кругами, как стрелка часов, а звезды нитями ложились на его плечи, переплетались с бородой, словно хотели поднять его в небо, и он сердито сбрасывал их с себя, грозил им пальцем.

Его куртка была мягкой и теплой, грела меня, как живая... Тело таяло от усталости, водой протекало сквозь землю: я слышала, как скребется в почве растущая рядом трава. Я боролась со сном, наблюдая, как сверху опускается звездная лесенка, ниже и ниже. И мне так хотелось протянуть руку, ухватиться, подняться... Но тело будто бы мне уже не принадлежало, слишком сильно хотелось спать.

— *Что произошло потом?*

— *Я проснулась оттого, что меня кто-то взял на руки и понес куда-то.*

Появилась боль, и тело вмиг стало твердым, в нем будто бы образовались узелки, шишки и комочки. Деревья вокруг дрожали от собачьего лая и человеческих криков, звезды на небе спрятались. Я тоже пыталась спрятаться, я чувствовала, что это охотники поймали меня, загнанную, как лису. И главный в их стае был с меня ростом, с рацией в половину своей глупой головы, с торчащими от худобы коленями и локтями. Он стоял в окружении черных диких собак, готовый спустить их на меня в любую минуту.

— *Вас нашла полиция, верно?*

— *Какие-то волонтеры. Ну и полиция, да.*

Из-за них я потеряла моего великана. Если бы я села на поезд, то оказалась бы дома. Я бы ехала, смотрела в окно, а великан бы лежал животом на крыше, грел бы поезд, так как в вагонах совсем не топят, а за ночь все железное промерзает без людей... Я бы открывала окно, протягивала руку и чувствовала его дыхание вместе с ветром. Если бы я села на поезд, я в любой момент смогла бы вернуться. Такие правила.

— *Послушайте... мы находимся с вами в очень непростой ситуации. Прошло уже много лет. И вы, безусловно, производите впечатление здорового человека. Вы ведете себя спокойно, рассуждаете связно... Вы ничего не скрываете. Я знаю, что за это время с вами работали десятки специалистов. Но вы им не верите, а они не верят вам.*

— *Здесь вы правы.*

— Для начала мне нужно кое-что уточнить у вас. Ваша история будто развивается вместе с вами. Например, ваш папа сказал, что у вас не было расплетенной косы. А сейчас она вдруг появилась. Почему?

— Расплелась.

— Хорошо. То, чего вам хочется — сесть на поезд, который едет прочь от того места, где вас будут искать волонтеры. Возможно ли это сделать без великана?

— Вы сейчас пытаетесь перевести мою беду на тот язык, которым можно объяснить все на свете. Это много раз делали и до вас. В моей беде виноваты люди. Людям постоянно нужно кого-то спасать. Даже тех, кто просит их этого не делать. Они спасают этим себя, но не меня.

— Хорошо. Послушайте, я не психиатр. Ну, наконец я вас удивил, правда? Но я тоже работаю с людьми, у которых произошел... слом восприятия. Помогаю выйти из лабиринта или, наоборот, войти в него, если это необходимо... Занимаюсь медицинским гипнозом, но в нашем с вами случае эта методика противопоказана. К сожалению. Вы выступаете как ненадежный рассказчик. Но. Мы можем сделать попытку. Для меня важно то, что является правдой или ложью именно для вас. Поэтому пока единственное, о чем я прошу, — это об искренности. И я тоже буду искренен. Это все против правил. Я предупреждал об опасности вашего отца, предупреждаю об опасности и вас.

— Вы не верили мне, а я не верила вам. А теперь надо наоборот?

— Посмотрим. Пока давайте попробуем освободиться от того места, где мы сейчас находимся. А там как пойдёт. Представьте, что я — это голос. Представьте, что я — это просто слова курсивом.

* * *

Тот день — как колода карт, в нем много застывших картинок: желтые носы резиновых сапог, покрасневшие руки, пластмассовое кольцо на пальце. Время вернулось, свернулось змеиным клубком. Я поднимаю голову, и надо мной бесконечные шапки деревьев. Еще выше — тяжелое небо, словно проросшая на кронах темная плесень. Голова немного кружится, сырой грибной воздух проникает в нос и наполняет легкие, как вода.

Кричит кукушка.

Маячком вокруг меня — безликий спокойный голос, эхом гуляющий среди деревьев. Ветер заплетается в свободные волосы. Голову ничто не сдерживает, и мысли скатываются по волосам, как с горки. Шаг и шаг, но голос все еще рядом со мной, он говорит мне какие-то вещи, напоминает мне, что я маленькая девочка, которая пришла навестить своего большого друга. Кажется, здесь я могу заблудиться, потеряться так, чтобы не было нужды искать.

Голос знает только то, что говорю ему я. Голос — это безликий дефис, а я — ненадежный рассказчик. У голоса не может быть глаз, ушей, сердца. Голос переходит на незнакомый мне язык, его подхватывает крик кукушки и оставляет, словно птенца, в чьем-то гнезде.

Я чувствую, как пластмассовое кольцо ломается пополам, я расту. Расту, как дерево: вверх, чтобы становиться выше, и вниз, чтобы пустить корни там, где мое место.

Темнеет. Я моргаю медленно, большими тяжелыми веками. Из черных небесных карманов бисером сыплются звезды. Передо мной та же поляна, что и много лет назад, и я будто жду к назначенному времени своего любимого гостя. Мы будто бессловесно обо всем договорились.

Где же он?

Через какое-то время я слышу шелест шагов и тихие голоса. Из леса выходит маленькая девочка. Удивленно смотрит в звездное небо...

Почему звезды горят здесь так ярко?

Гигантской тенью следом за девочкой появляется великан: я пытаюсь позвать его, не зная имени, но вместо своего голоса слышу только шелест крыльев и уханье совы.

Почему в тот раз он ушел? Почему не защитил?

Девочку мне почти не видно, она медузой плывет в воздухе, легко касаясь земли призрачными ногами. Великан что-то говорит ей, затем стелет свою куртку на землю, и девочка заворачивается в нее, складывает рукава на своей груди, закрывает глаза...

Как те люди нашли меня?

Девочка засыпает. Великан достает зеркальце, стучит по нему, недовольно глядит в небо. Затем снимает звездную нитку, застрявшую в бороде, и перевязывает девочке руки и ноги. Лесным разбойником залезает на ветку дуба, садится, как гигантская птица, и засовывает в рот два пальца, свистит на весь лес. Свистит так, что прячущаяся звезды, и воздух вокруг натягивается, как струна, а затем рвется от напряжения. Наступает тишина.

Ее разрывает собачий лай, он все ближе и ближе. К поляне выходят люди и уносят маленькую девочку, будто вязанку хвороста. Великан смотрит на них сверху вниз, а я смотрю на великана. Он сидит и улыбается, затем мягко насвистывает какую-то мелодию, похожую на колыбельную, в попытке усыпить самого себя или свою совесть. Звуки проникают в мои уши, а затем выходят слезами. Слезами большими и взрослыми, мутными от соли и горечи, но словно промывающими невидимую пыльную линзу.

Лес кажется мне игрушечным, через тканевые кроны деревьев видны затвердевшие дыры и ожоги от утюга. Я продолжаю расти, смотрю туда, где желтой лампой восходит солнце, и за линией леса виднеется игрушечная железная дорога. Она складывается в неуверенный круг, и поезд ползет по ней, раскачиваясь из стороны в сторону и тяжело кряхтя.

Так наступает утро. В корнях деревьев коричневые белки застыли с орехами в лапках, и солнечная лампа искусственно освещает их грубые заусенчатые хвосты. Я поднимаю голову и вижу приклеенные к твердому небу звезды. При свете их почти не видно, только белесый контур и тонкий квадрат двойного скотча.

Великан на ветке потягивается, снимает свой дырявый сапог, подкладывает его под голову и вытягивается во весь свой могучий рост. И ветка держит его так крепко и ровно, словно в нем совсем нет веса.

А я все расту, и моя голова упирается в небо. Ватные облака смягчают мое взросление, спешат на помощь, но все это бессмысленно, я продолжаю увеличиваться в размерах. Поднимаю руки и пытаюсь поднять небо, как крышку обувной коробки, и оно будто поддается мне...

— ...или так просто кажется? Вижу зазор света. В нем вижу синее кресло, книжный стеллаж, белую занавеску, вазу с сиренью...

— Не торопитесь. Сейчас я прикрою шторы и смотреть станет легче. Мы никуда не торопимся.